

СОДЕРЖАНИЕ

Старчак И. Г.

С НЕБА — В БОЙ

Глава 1. Трудное начало	6
Глава 2. Пять октябрьских дней	45
Глава 3. В снегах под Волоколамском	73
Глава 4. Опять Варшавское шоссе	116
Глава 5. Неужели отвоевался?	156
Глава 6. Пути расходятся	182

<i>Выскубов С. П.</i> В ЭФИРЕ «СЕВЕРОК»	197
---	-----

<i>Пичугин В. С.</i> ПАРАШЮТЫ РАСКРЫЛИСЬ ЗА ДНЕПРОМ	343
--	-----

Старчак И. Г.

С НЕБА — В БОЙ

Глава 1. Трудное начало

В горящем Минске

Утром 21 июня 1941 года, испытывая новый парашют, я повредил ногу. Может быть, потому, что это было как раз накануне войны, отчетливо, до мелочей, помню обстоятельства, при которых это случилось.

Я совершал прыжок с самолета, идущего на большой скорости. В тот момент, когда перегрузка при полном раскрытии купола стала максимальной, одна пара круговых лямок не выдержала и оборвалась. Каким-то чудом я ухватился сначала одной, а потом другой рукой за раскачивающиеся в воздухе концы. Раскрыть запасной парашют не удалось.

Приземляясь, я сильно ушибся, и меня отвезли в Минск, в окружной госпиталь.

Мне казалось, что я смог бы вылечиться в амбулаторных условиях, но медики были иного мнения.

— Ну-ка пройдитесь, — предложил врач, устав спорить.

Я сделал несколько шагов и чуть было не упал.

— Ну вот, видите, товарищ капитан!..

Было досадно, что расстроились все мои планы на предстоящий выходной. Воскресенье обещало быть очень интересным. Днем я собирался пойти на митинг, посвященный открытию искусственного озера, в сооружении которого участвовали и авиаторы, а вечером — в Дом Красной армии, где должен был состояться спектакль Московского художественного академического театра.

Смеркалось, когда в палату вошел мой начальник по службе в штабе ВВС Западного особого военного округа полковник С.А. Худяков. Он тоже оказался в числе больных: у него определили острый плеврит. Худяков, черноглазый, смуглый, щелкнув выключателем, спросил:

— Зачем сумерничать, капитан?

Он присел на край койки и стал расспрашивать, при каких обстоятельствах со мной случилась беда.

— Как же это ты оплошал?

Я пошутил:

— Тысячный прыжок, видно, всегда несчастливый.

Действительно, мне выпала честь первому перешагнуть тысячный рубеж. Это было как раз в злополучный для меня субботний день, 21 июня 1941 года.

Посетовав на то, что нам не удастся побывать на спектакле Художественного театра, мы как-то незаметно для себя перешли к служебным темам, стали говорить о предстоящих больших летних учениях. В ходе их предполагалось проверить в условиях, приближенных к боевым, новую технику.

В раскрытые окна вместе со свежим ветерком влетали звуки вальса, доносившиеся из городского парка. Они вплетались в нашу беседу.

Но вот Худяков замолчал, ушел в себя. Стал думать о своем и я. В том самом парке, откуда льется музыка, я бродил по дорожкам вместе с Наташей, там мы сказали друг другу заветные слова...

Летние вечера быстротечны. Я не заметил прихода полночи. Об этом возвестил перезвон кремлевских курантов. Наступило воскресенье 22 июня.

Худяков ушел. Взволнованный впечатлениями минувшего дня, я долго не мог уснуть. Только через несколько часов ненадолго забылся. Во сне я опять прыгал с самолета, терпел аварию. Уши глушил надсадный рев санитарной машины, перед глазами мелькали встревоженные лица товарищей, среди них — лицо укладчика парашютов

Ивана Бедрина, который первым подбежал к месту моего неудачного приземления...

Пробудился я от какого-то толчка. Стряхнул остатки дремоты, прислушался. Со стороны нашего аэродрома донеслись четыре сильных взрыва.

Еще не поняв, в чем дело, я почему-то не на шутку встревожился. Как ни больно было, хватаясь за стену, запрыгал на здоровой ноге в палату полковника Худякова.

Он говорил по телефону. Я понял: с дежурным по штабу округа. Наконец Сергей Александрович положил трубку. Я молчал, ожидая, что он заговорит сам. По его лицу видел: произошло что-то очень серьезное, такое, о чем даже не хватало духу спросить.

Несмотря на столь ранний час, госпиталь ожил. Захлопали двери, забегали по коридорам санитарки, медицинские сестры. Кто-то кого-то спрашивал:

— За врачами послали?

— Где автобусы?

— Кто в перевязочной?..

Худяков на мой невысказанный вопрос ответил:

— погоди, капитан, сейчас позвоню командующему...

Из трубки донеслось:

— Он на заседании Военного совета.

Худяков тяжело вздохнул, машинально поправляя выведенные из брюшной полости наружу резиновые трубки:

— Вот что, парашютист: кажется, началась война. Не вовремя мы с тобой здесь очутились...

Вражеская авиация бомбила аэродромы, расположенные вокруг Минска. Как ни самоотверженно дрались наши летчики-истребители, немецкие самолеты господствовали в воздухе, и то там, то здесь раздавались взрывы бомб.

Так прошел день, затем второй. На третьи сутки ко мне пришла жена. Она принесла обмундирование, документы и пистолет.

Я ожидал увидеть ее расстроенной и напуганной. Однако ошибся. Наташа успела найти свое место среди уча-

стников обороны: вместе с другими женщинами набивала патронами пулеметные ленты, создавала пункты первой медицинской помощи.

Ни я, ни Наташа не могли тогда предположить, что мы долго-долго не увидимся и будем считать друг друга погибшими...

Когда она ушла, мною овладело тягостное чувство. Мучило собственное бессилие: где-то товарищи ведут с врагом бой, а я ничем не могу им помочь.

В субботу 28 июня штаб ВВС переехал на новое место, и связь с ним полностью прекратилась. Подразделения истребительной авиации, базировавшиеся на нашем аэродроме, перелетели на другие площадки. Только после этого занялись эвакуацией семей командиров. Вывезти удалось далеко не всех. Многие из них потом погибли, другие оказались в концентрационных лагерях, гестаповских застенках, на каторжных работах. О том, какая судьба может постичь Наташу, я старался не думать...

В палату, где до сих пор находилась лишь одна моя кровать, санитары вкатили вторую. На ней лежал кто-то весь в бинтах.

Трудно говорить с человеком, который уткнулся лицом в подушку, но все-таки у нас вскоре завязалась беседа. Я узнал, что мой сосед — заместитель командира 122-го истребительного полка. Он назвал и фамилию, но я ее забыл. Запомнилось только звание — майор.

Тяжело дыша, морщась от боли, он глухо говорил:

— Плохо дело, капитан. Наседают, собаки... Нашим ребятам по восемь вылетов в день приходится делать. Их тьма, нас горстка!..

В госпиталь стали поступать все новые раненые.

Мне почему-то вспомнилась книга, которую я прочитал как раз в начале июня. Называлась она «Первый удар». В ней утверждалось, что нашей армии не составит никакого труда одолеть любого противника, если он рискнет сунуться на советскую землю. На деле же пока выходило иначе.

Вскоре поступило распоряжение: госпиталь эвакуировать. Старания медиков вывезти всех раненых в тыл были тщетными: что могли они сделать, имея всего два санитарных автобуса?

Главный врач сказал:

— Товарищи, кто хоть как-то способен двигаться, добирайтесь до автострады Москва—Минск, садитесь на попутные машины.

И вот под бомбежкой в одиночку и группами, кто в окровавленном обмундировании, кто в халате, потянулись больные к шоссе. Некоторых санитары несли на носилках.

Я тоже поднялся с кровати. В нашу палату заглянули.

— Ну а вы, капитан, сумеете своим ходом?..

— Я-то, пожалуй, сумею, а вот как быть с майором? — указал на раненого летчика.

Медицинский работник только вздохнул:

— Ни одной машины!

К нам зашел полковник Худяков. Он сказал:

— Я сейчас в штаб фронта, оттуда пришлю какой-нибудь транспорт.

Потянулись тягостные часы ожидания.

Неприятельские самолеты волна за волной безнаказанно бомбили город. Наших истребителей не было видно, не слышали мы и выстрелов зенитных орудий. Кругом бушевал пожар. И если днем на улицах еще кое-кто мельтешил, то к вечеру все словно вымерли. Повсюду летали хлопья копоти.

В госпитале остались лишь тяжелораненые — те, кого нельзя было перевозить. Многие из них метались в жару, стонали, звали на помощь, просили пить. Все, кто чувствовали себя чуть получше, старались, как могли, облегчить их страдания.

Обещанной машины все не было. Стало совсем темно. Нужно было что-то предпринимать. Я предложил майору уходить:

— Лишь бы вылезти на улицу, а там что-нибудь придумаем.

Он было согласился, даже попытался приподняться на руках, но тотчас же со стоном упал.

Несколько оправившись от боли, летчик сказал:

— Оставь меня, капитан, уходи, пока не поздно.

— А вы, товарищ майор?..

Он промолчал.

Я решил выбраться на улицу и найти людей, которые смогли бы вынести авиатора. Майор отверг этот план:

— Утром, может быть, и разыскал бы кого-нибудь, а теперь никого там нет. Возьми вот лучше мои документы, сдай в штаб ВВС. Пистолет оставь... и уходи. Уходи, а то ни за что пропадешь.

Светящиеся стрелки показывали десять часов вечера.

Я встал. От острой боли меня бросило в пот. Хотелось снова плюхнуться на койку. Но это была минутная слабость. Превозмогая ее, я все-таки подошел к летчику. Он взял из моей пачки несколько папирос, попросил зарядить пистолет и положить его под подушку.

Я исполнил его желание и уже собирался направиться к двери, как майор снова обратился ко мне:

— Капитан, дай попить!

Я подал ему стакан воды. Жадно осушив его, раненый достал папиросу:

— Покури со мной, браток.

Мне показалось, что он не хочет, чтобы я уходил. Но майор, сделав несколько затяжек, решительно протянул руку:

— Ну, парашютист, больше тебе здесь делать нечего. Спеш!

Заверив товарища, что обязательно кого-нибудь за ним пришлю, я с тяжелым сердцем прикрыл за собой дверь пятнадцатой палаты. До сих пор помню, как он негромко сказал:

— Это все добрые намерения... Иди, а я уж тут сам решу, что и как.

Навалившись на перила, спустился на первый этаж. Здесь увидел стриженного под бокс рыжеватою паренька с загипсованной ногой.

— Кто ты, приятель? — спросил я.

— Летчик-истребитель младший лейтенант Иван Дукин.

Он сообщил, что его самолет был подбит в воздушном бою, при посадке скапотировал.

— И вот итог, — Дукин показал на сломанную ногу.

Приглядевшись ко мне, он радостно заявил:

— А я вас знаю, товарищ капитан. Вы начальник парашютно-десантной службы. У нас в Орше подготовку проверяли...

В оршанском авиагородке я действительно бывал не раз. Оказывается, запомнили...

— Что будем делать? — спросил Дукин.

Я рассказал ему о раненом майоре. Младший лейтенант без колебаний заявил:

— Пока не устроим куда-нибудь, не уйдем...

Кое-как доковыляли до ворот госпиталя, остановились: куда идти дальше — в сторону оперного театра или же к главной улице?

Кругом полыхало пламя, многие здания были разрушены. Я неплохо знал город, но теперь ориентировался в нем с большим трудом.

Мы побрели туда, где, по моему расчету, должен был находиться штаб ВВС. Не столько шли, сколько останавливались, чтобы прислушаться, не идет ли кто из тех, кому можно поручить сходить за майором. Не сделали мы и сотни шагов, как нас догнали два бойца пожарной охраны. Они были в брезентовых робах и металлических касках.

Я остановил их и сказал, что в палате № 15 лежит раненый летчик и что его надо вынести на носилках сюда, на дорогу. Пожарные побежали в госпиталь. Не прошло и десяти минут, как они вернулись. Один из них держал в руках пистолет ТТ и знакомый мне летный планшет.

— Застрелился ваш товарищ. Вот его оружие и сумка...

Мы с Дукиным некоторое время постояли молча, потом, расстроены, заковыляли дальше. В конце концов добрались до шоссе. На обочине дороги решили немного передохнуть. Вдруг невдалеке послышалась пулеметная стрельба. Еще миг — и мы увидели спускающиеся с пригорка грузовые автомобили. На кабине головного грузовика был установлен пулемет.

— Кто это — свои или немцы? — спросил лейтенант.

Я пожал плечами. Нам оставалось одно: отползти в придорожный кустарник и ждать.

Я зарядил пистолет, твердо решив в случае чего отстреливаться до последнего патрона.

Когда до нас оставалось менее ста метров, головная машина резко затормозила и остановилась: по-видимому, нас заметили. Из кузова выскочили четверо. Они побежали в нашу сторону, крича:

— Вставай, а то стрелять будем!

Слыша русскую речь, я почему-то сразу уверился, что это наши, и, опираясь на колено здоровой ноги, стал приподниматься. Не успел я выпрямиться, как два винтовочных ствола уперлись мне в грудь. Бойцы требовали, чтобы я бросил пистолет, а я не хотел этого делать.

Подбежал командир. На мое счастье, он оказался лейтенантом Сомовым из охраны штаба ВВС.

— Что с вами? Как вы здесь очутились? — удивился он.

Я рассказал. Потом спросил лейтенанта об обстановке на фронте, о том, что происходит в Минске. Ему тоже мало что было известно.

Бойцы помогли младшему лейтенанту Дукину и мне влезть в кузов. Они предлагали нам сесть в кабину, но мы отказались.

Взвод лейтенанта Сомова имел задание забрать средства связи, которые, возможно, остались в штабе ВВС.

— Сейчас, — сказал мне лейтенант, — наши машины направляются как раз туда.

Через несколько минут мы подъехали к высокому серому зданию, расположенному в глубине двора. Ребята по-

спешили на узел связи. Но ничего пригодного к эксплуатации там не обнаружили. Штабники, уходившие последними, все вывели из строя.

Делать нечего, приходилось возвращаться ни с чем. На обратный путь надо было дозаправиться. Я полагал, что проще всего раздобыть горючее на нашем аэродроме. Но проехать туда можно было только через центр, охваченный огнем. После некоторого колебания все-таки рискнули.

С трудом пробивались сквозь сплошные завесы черного дыма, то и дело объезжали воронки, груды обломков, разбитые автомобили и повозки, трупы людей...

Пересекли чуть ли не весь город и не встретили ни одного человека. Это безлюдье, опустошенность, разорение действовали угнетающе.

Наконец, добрались до аэродрома. В комендантском здании, в комнате метеослужбы, увидели двух неизвестных, склонившихся над радиопередатчиком. Одному из них удалось скрыться через запасный выход. Другого задержали. Он признался, что два дня назад был сброшен на парашюте. Фашистский лазутчик был настолько наглым и самоуверенным, что предложил:

— Давайте я сдам вас в плен. Безопасность гарантирую.

У нас было огромное желание прикончить его на месте, но все же мы сдержались и решили доставить гитлеровца в наши разведывательные органы.

В ангаре мы заправили грузовики горючим, про запас наполнили двухсотлитровые бочки. Нашли патроны и немного продовольствия.

Через Слепянку выехали на автостраду Минск—Москва.

Утром 29 июня, когда мы находились примерно в тридцати километрах восточнее белорусской столицы, нас дважды обстреляли вражеские истребители. Два бойца были убиты. Грузовик, на котором ехали, сгорел.

Мы посоветовались и решили дальше двигаться не по автостраде, а проселками. Так было больше шансов привести колонну в Смоленск невредимой.

Пока я прокладывал по карте новый маршрут, бойцы подкрепились галетами. Лейтенант Сомов перевязал Дукину ногу. У того в месте перелома появилась опухоль. Она быстро увеличивалась и вызывала страшную боль.

Вскоре наши автомобили тронулись с места. Буквально через несколько минут в небе появились самолеты противника. Пришлось укрыться в лесу. Нам было хорошо видно, как пузатые трехмоторные транспортные машины начали вытягиваться в линию. На клеверном поле, метрах в шестистах–семистах от нас, кто-то зажег дымовые шашки.

По тому, как «юнкерсы» разворачивались, я понял: сейчас начнется выброска десанта. Командир подразделения принял решение: атаковать парашютистов. К месту их приземления он послал две небольшие группы. Два грузовика с пулеметами выдвинул на опушку, а третий оставил в глубине леса. Мы все считали, что основные события произойдут именно там, на поле. Однако все случилось по-иному: главный бой пришлось принять оставшимся в резерве.

Я видел, как из первого «юнкерса» с высоты всего четырехста–пятьсот метров один за другим выбросились семь парашютистов. Через некоторое время вслед за ними полетело несколько грузовых контейнеров.

Точно так же прошла выгрузка второго, третьего, четвертого и пятого кораблей.

Пулеметчики открыли огонь по десантникам. Их поддерживали остальные бойцы.

Кто-то из водителей заметил, что больше десятка гитлеровцев приземлились в стороне и заходят нам в тыл.

Когда они были уже совсем близко, я крикнул:

— Стой, бросай оружие!

Увидев, что нас меньше, чем их, немцы открыли стрельбу. Я успел заметить, как безжизненно свисла голо-

ва залегшего рядом со мной водителя. Почти в это же время метрах в двадцати от меня разорвалась ручная граната. Комья земли ударили в спину, задели большую ногу. Я с трудом приподнялся и выстрелил из пистолета в десантника, который бросил смертоносный заряд.

Когда бой кончился, я подошел к убитому. Это был первый поверженный мною враг, молодой, светловолосый и, судя по сложению, хорошо тренированный. Он лежал на клеверном поле, раскинув ноги, обутые в высокие шнурованные ботинки. Из-под комбинезона и свитера виднелся воротник серой гимнастерки. К поясу был прикреплен шлем с подкладкой из мягкой, губчатой резины.

Пока собиралась наша группа, я продолжал осматривать неприятеля. На нем были наколенники и кожаные перчатки с отворотами, патронташ, разделенный на кармашки, мешок с упакованными в целлофан продуктами — копченой колбасой, рулетом, сухарями, свиной тушенкой, пачкой леденцов, пластинками сухого спирта, алюминиевая обшитая толстым сукном фляга.

Парашютист был основательно вооружен: при нем имелись кинжал, топор в чехле, маузер, карабин. У некоторых — пулеметы и минометы.

Прошло около часа, прежде чем собрались наши бойцы. Среди них оказалось пять раненых. Семеро погибли в схватке. Мы нашли неподалеку от дороги окоп, ставший для них братской могилой.

Без речей, ружейных залпов с сердцем, полным горечи и желания отомстить за смерть товарищей, мы отдали их на вечные времена белорусской земле.

Из-за тяжелого состояния раненых передвигаться по проселочным дорогам нельзя было, и нам пришлось снова вернуться на шоссе. Мы стремились как можно скорее добраться до Борисова. Там надеялись передать раненых в полевой госпиталь.

Ехать под палящим солнцем было мучительно. Особенно страдал сероглазый паренек. Пуля попала ему в жи-

вот. Он лежал в кузове, свернувшись калачиком, подобрал колени под самый подбородок, видно, надеялся таким образом уменьшить боль. Но это не помогало, и боец стонал.

Мы не довезли его до Борисова: он умер в дороге. Я не знаю фамилии воина. Запомнилось лишь, что он откуда-то из-под Красноярска и что звали его Костя.

Наш расчет на то, что авиационные тылы находятся в районе Борисова, не оправдался: несколько дней назад они куда-то перебазировались. Не было здесь и госпиталя или какой-либо санчасти.

Проезжая мимо санатория, расположенного на крутом берегу Березины, увидели двух медицинских сестер, не успевших эвакуироваться. Девушки перевязали наших раненых и поехали вместе с нами к Смоленску.

Утром следующего дня неподалеку от Орши увидели колонну наших танков, а чуть позже — части столичной моторизованной дивизии. Они шли навстречу врагу.

Это как-то сразу приподняло наше настроение. В те дни каждый из нас жил надеждой, что отступление — беда временная, главные бои еще не начались, основные наши силы только подходят. Скоро, очень скоро Красная армия покажет свою мощь.

В Смоленске мы наконец нашли госпиталь, определили в него раненых. Затем я отправился в штаб ВВС Западного фронта.

Самолет пересекает линию фронта

Приведя себя в порядок, я доложил начальнику штаба полковнику С.А. Худякову о своем прибытии, кратко рассказал о том, что произошло со мной за эти дни.

Худяков сказал, что послал в госпиталь машину, но водитель был убит при авиационном налете.

Предаваться воспоминаниям было некогда, и мы сразу же перешли к текущим делам.

— Главное сейчас, — сказал полковник, — не выброска массовых десантов, к чему мы так готовились, а дейст-

вия небольших групп парашютистов, выполняющих особые задания.

Худяков подробно говорил о характере таких заданий. Я уяснил, что это прежде всего переброска во вражеский тыл наших офицеров связи для вывода войск из окружения, кроме того, засылка в районы, занятые врагом, разведчиков, подрывников, а также партийных и советских работников, которые будут действовать в подполье и создавать партизанские отряды.

Вместе со своими товарищами — старшими лейтенантами Степаном Гавриловым и Николаем Волковым и прибывшим несколько позже Петром Балашовым — я взялся за дело.

Гаврилов и Волков были замечательные парашютисты, мастера спорта, участники всех авиадесантных маневров и учений, проведенных в Белорусском военном округе. В 1935 году за достижения в парашютной подготовке Петр Балашов был награжден орденом Красной Звезды. Он один из тех, кто закладывал основы советского парашютизма.

Буквально на другой день, после того как я прибыл в штаб ВВС, мне и моим товарищам предстояло осуществить выброску первой группы разведчиков.

Мы прикидывали: на каком самолете лететь? сколько надо захватить с собой дополнительно горючего? где взять подвесные бензобаки? что делать, если придется сесть в неприятельском тылу?

Для меня все это было в новинку, а товарищи, как оказалось, уже успели накопить некоторый опыт. Старший лейтенант Николай Волков даже пошутил:

— Это проще простого, вроде экскурсии.

Но с одной такой «экскурсии» он однажды не вернулся.

Одни предполагали:

— Видно, сел где-то, откуда взлететь нельзя.

Другие говорили:

— А может быть, горючее кончилось...

Я решил: если к исходу дня Волков не прилетит, отправлюсь в тот же район.

Он не появился.

Мы со старшим лейтенантом Василием Костиным стали собираться в путь. На всякий случай взяли с собой баллон со сжатым воздухом. Пристроили его, как и запасные баки с горючим, на бомбодержателе: пригодится для запуска мотора.

В восемь часов вечера поднялись в воздух.

Наш рейс был самым дальним из всех намеченных на эту ночь. К тому же попутно мы должны были над районом Росси сбросить на парашюте офицера связи.

Пожалуй, только во время этого полета до моего сознания дошло: как много земли отдано врагу — три часа шли мы над территорией, захваченной гитлеровцами.

Где-то около полуночи недалеко от Росси наш пассажир покинул самолет.

Еще через полчаса были над местом, где мог находиться Волков. Сделав на малой высоте два круга, ничего не обнаружили.

Осталось одно — подать опознавательный сигнал. Если не будет ответа, придется возвращаться. Старший лейтенант Костин, напряженно всматривавшийся в землю, вскоре воскликнул:

— Смотри, сигнал «Т»!

Действительно, недалеко от кромки леса я увидел условное обозначение «Я — свой», а вслед за ним и сигнал, разрешающий посадку.

Пошли на снижение. Вот машина коснулась поля и, пробежав немного по нему, остановилась. К нам подошли три бойца. Убедившись, что это наши люди, я начал спрашивать о Николае Волкове.

Десантники, летевшие с ним, рассказали, что в указанный район они вышли благополучно, сели тоже нормально. С их помощью пилот и Волков дозаправили Р-5 горючим, сняли так называемые кассеты Граховского —